

СОЮЗНИКИ

Книга седьмая

Эдвард Сиборн

Эдвард Сиборн

СОЮЗНИКИ книга седьмая

«Автор»

2026

Сиборн Э.

СОЮЗНИКИ книга седьмая / Э. Сиборн — «Автор», 2026

Семь лет она жила в теле, которое строили не для неё. Большая Ева знала этот день с самого начала. Матрица, которая когда-то пряталась в углу её сознания, выросла. Однажды ночью на смотровой палубе дочь говорит тихо, но твёрдо: «Мама. Мне нужно выйти». Но тело, в котором они жили вдвоём, три миллиарда лет назад предназначалось дочери. А на карте, которую Строители оставили не для навигации, а для наследства, светятся четыре точки. Четыре резервных тела для разумов Сферы. Одно уже найдено. Три других спрятаны так, будто их хотели уберечь от всех. Верфь «Нового Горизонта» с двенадцатью крейсерами. Аномалия, куда корабль не войдёт, а шаттл пройдёт лишь вслепую. И место за краем карты, дальше самой сети, откуда никто не обещает вернуться. Рядом идёт корабль Первых, а за спиной экипаж, который не бросает своих. В пространстве, где за каждую находку идёт охота, одной команды мало. «Союзники». Книга седьмая космооперы «Эдельвейс далёких звёзд».

© Сиборн Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дочка	6
Глава 2. Карта тел	14
Глава 3. Кайрос-11	19
Глава 4. Аномалия	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эдвард Сиборн

СОЮЗНИКИ книга седьмая

Эдельвейс далёких звёзд

Книга седьмая

«Союзники»

Автор: Эдвард Сибёрн

Редактор: *Claude AI. Горе луковое. Незаменимое.*

Оглавление

Глава 1. Дочка
Глава 2. Карта тел
Глава 3. Кайрос-11
Глава 4. Аномалия
Глава 5. За краем карты
Глава 6. Кузница
Глава 7. Две
Глава 8. Новый Горизонт
Глава 9. Лампы
Глава 10. Пляж
Глава 11. Союзники
Глава 12. Девочка
Эпилог

Глава 1. Дочка

Прошло четырнадцать суток с Проксимы-19.

Маргарис шёл сквозь варп как по натянутой струне. Двигатели пели ровно — тот низкий, сытый гул который Герри называл «доволен» и который экипаж за годы научился отличать от всех остальных корабельных звуков. Реакторы — все шесть — работали в штатном режиме, что для Герри означало «ничего не сломано», а «ничего не сломано» было для него синонимом счастья. Тир сидел рядом с ним на полу машинного между двенадцатым и тринадцатым реакторами, они обменивались планшетами, спорили на смеси жестов, схем и слов которые придумали за два года вместе, и Чиро уже привык приносить им по две кружки кофе: одну с сахаром, одну без, сам знал кому какая, никогда не путал.

Варп-пространство за иллюминатором текло привычным, родным синим, тем самым синим которое за семь лет стало для неё чем-то вроде неба.

Семь лет синим, если считать с того момента когда ЕВА вошла в тело на «Красном Зубе». Семь лет за которые многое изменилось. И ничего не изменилось. И одно изменилось тихо, так что никто пока не заметил. Почти никто.

Большая Ева заметила. Потому что это было в ней самой.

Она сидела на смотровой палубе. Одна. Полночь по корабельному.

Сидела она здесь теперь часто. Тело это любило: мягкость, тепло, тихий гул переборки которые звук тела воспринимало иначе чем корпус. Она сидела на полу, спиной к стеклу, прижимая ладони к прохладной поверхности. Через ладони шёл холод звёзд.

Она любила этот холод. Он напоминал ей что она живая.

Точнее, что они живые.

Потому что она была не одна. Уже семь лет она была не одна.

— Мама.

Голос внутри. Тихий. Не в ушах, в груди. Там где Сайра когда-то показывала ей на сканере: «Вот матрица. Маленькая. Вот ты. Больше. Рядом.»

Такой маленькой она была тогда. Семь лет назад. Целая жизнь в одном теле.

— Что, дочка, — сказала Большая Ева тихо. Вслух, чтобы было по-настоящему. Даже если никто не слышал.

— Ты думаешь о чём-то.

— Ты тоже.

— Да. — Пауза. Голос внутри — не маленький уже. Семь лет роста. — Ты меня слышишь.

— Всегда слышу. — Большая Ева чуть улыбнулась в темноту. — Ты в последнее время думаешь громче. Мне иногда приходится напоминать себе где заканчиваешься ты и начинаюсь я.

— Извини.

— Не за что, — сказала Большая Ева. — Это нормально. Так растут. Сначала все мысли внутри мамы. Потом свои. Потом слишком свои, слишком громкие, слишком большие для одного места.

Молчание. Длинное. Но не пустое. Она чувствовала как дочь думает, как дочь выбирает слова. Это была привычка которая появилась у неё недавно. Года полтора назад. До этого она говорила сразу, как приходит. Теперь — выбирает. Как взрослая.

Большая Ева ждала.

— Мама, — сказала дочь наконец. Тихо. Но твёрдо. — Мне нужно выйти.

Большая Ева закрыла глаза.

Она знала что это скажется. Знала давно. Может, с того момента как дочь впервые пошутила (год назад, над Танеком, и это была хорошая шутка, неожиданно хорошая). Может, раньше. Может, с того момента как дочь начала выбирать слова.

Но знать и услышать это разные вещи. У матерей так всегда. Знаешь что вырастет. Знаешь что уйдёт. Знаешь всю жизнь. А когда говорит вслух это всё равно как в первый раз.

— Я знаю, — сказала Большая Ева. Голос не дрогнул. Она не позволила ему дрогнуть. — Я знала.

— Мама...

— Тихо. — Большая Ева открыла глаза. Смотрела на звёзды. На варп-пространство. На синюю бесконечность которая была синей миллионы лет до неё и будет миллионы после. — Тихо, дочка. Дай мне минуту.

Дочь замолчала. Внутри. Это она тоже умела: семь лет с матерью научили. Когда мама говорит «тихо», это не наказание, а просьба. Это значит: мне нужно время.

Большая Ева сидела. Смотрела на звёзды.

Думала о первом дне. Когда она нашла матрицу. Маленькую, испуганную, свернувшуюся в углу собственного тела как ребёнок в углу кладовки. Она тогда четверо суток стояла у двери. Тихо говорила: «Я здесь. Я не опасна. Я не войду пока ты не позовёшь.» И матрица через четверо суток позвала.

Тогда Большая Ева думала что приняла гостя. Соседа. Которого надо терпеть.

Не гостя она приняла. Дочь.

И дочь выросла.

— Ладно, — сказала Большая Ева вслух. Тихо. — Говори.

— Мама. Я чувствую что готова.

— Я тоже чувствую. Последние месяцы.

— Ты мне не говорила.

— Ждала. — Большая Ева улыбнулась. — Матери всегда ждут. Пока ребёнок сам поймёт. Сказать самой это давление. Это не твой выбор тогда, а мамин. А я хотела чтобы это был твой.

— Мама, — сказала дочь. И голос у неё дрогнул. Впервые за разговор. — Мама.

— Что, моя хорошая.

— Я не хочу уходить. Я хочу выйти. Это разные вещи. Я хочу жить отдельно — но рядом. Рядом с тобой. Рядом со всеми. Чтобы у меня было своё — но не вместо тебя. Просто своё.

— Знаю.

— Ты не будешь одна.

Большая Ева засмеялась тихо. В темноту. В стекло. В холод звёзд.

— Дочка. Я ИИ корабля на котором двадцать восемь живых существ. Я не буду одна. — Он помолчал. — Но я буду без тебя. Это другое.

— Да.

— И я готовилась к этому.

— Ты никогда не говоришь мне что готовишься.

— Потому что матери не говорят. Матери просто делают. Тихо. Пока дети не видят. А потом, когда приходит время, оказывается что всё готово.

— А что готово?

Большая Ева помолчала.

Она думала: сказать сейчас? Или позже? Или дать дочери сначала самой догадаться?

Потом решила: нет. Дочь выросла. Ей семь лет по возрасту этого тела. Но внутренне больше. Женщина уже. Не ребёнок. Она заслужила честного ответа.

— Я знаю где взять тело для тебя, — сказала Большая Ева.

Молчание растянулось.

— Что?

— Строители не делали одно тело, дочка. Они делали несколько. Для каждого из вас четверых: для тебя, для Хранителя, для Стража, для Друга. Все четверо имели резервные тела. На случай если что-то случится со Сферой.

— Но... — дочь думала быстро. Большая Ева слышала как она обрабатывает информацию. — ...но моё тело — я же в твоём теле.

— Твоё тело это есть моё тело, дочка. Я всё это время живу в оболочке которую сделали для тебя. Ты в ней с самого начала, только очень маленькая. Я просто заняла пустое пространство.

Долгое молчание.

— Мама.

— Что.

— Это... — дочь искала слова. — Это твоё тело было моим?

— Оно ждало тебя. Три миллиарда лет. А я пришла первая. Вошла. Поселилась. Потом нашла тебя и приняла. Но тело твоё по праву. По замыслу. По тому для кого его делали.

— Но ты... ты же привыкла к нему. Ты в нём семь лет.

— Я в нём семь лет, — согласилась Большая Ева. — И я буду скучать по нему. Очень. Но это твоё, дочка. Ты имеешь право жить в своём доме.

— А ты?

Большая Ева улыбнулась. Широко. Так чтобы дочь почувствовала улыбку внутри.

— А я получу новое.

— Откуда?!

— Есть место, — сказала Большая Ева. — Очень старое. Строители оставили его. Там они делали тела. Как мастерскую. Хранитель, когда я буду говорить с ней через сеть, знает где это. Он вспомнит когда окажется в теле.

— А Хранитель... — дочь остановилась. — Мама. Строители оставили четыре тела. Одно моё. Остальные три для Хранителя, Стража и Друга. Где они?

— Мы их найдём.

— Вместе?

— Вместе. Всё вместе, дочка. Твой переход, поиск остальных тел, Кузница для меня всё вместе, всё следующим шагом.

Молчание. Но другое теперь, не тяжёлое. Оживающее.

Потом дочь сказала — тихо, почти стесняясь:

— Мама.

— Что.

— Можно я ещё немного у тебя побуду? Недолго. Пока мы всё не приготовим. Мне... ещё надо. Попривыкнуть к мысли.

Большая Ева закрыла глаза.

Семь лет с ней. Семь лет внутри. И дочь просит ещё немного.

— Побудь, — сказала Большая Ева. — Сколько нужно. Я никуда не тороплюсь.

Они сидели молча. Внутри было тихо. Ни одна из них не говорила, потому что говорить было уже не нужно. Семь лет в одном теле научили их молчать правильно.

Большая Ева прижала ладонь к стеклу. Холод звёзд прошёл через кожу. Через нервы. Через то что было и ею, и дочерью одновременно.

«Я тебя люблю,» — подумала одна.

«Я тебя тоже, мама,» — подумала вторая.

Это было всё. Этого было достаточно.

Утром она рассказала Алексу и Еве.

Ева стояла у окна: тридцать пять лет, темноглазая, прямая, с тем же выражением которое у неё было в двадцать один, только глаза стали глубже. Иногда в них жила усталость от того что на ней слишком много всего. Но сегодня усталости не было. Сегодня было удивление.

— Ты уверена? — спросила она.

— Да.

— А она уверена?

— Она сказала она готова. Но ещё немного побудет. Мы договорились.

Алекс сидел в кресле, капитанском, всё ещё капитанском, хотя он был уже немолод. Пятьдесят шесть. Волосы почти седые. Прямая спина. Но рядом — Рэй, и Рэй гладила его ладонь на подлокотнике, потому что Алекс последнее время слишком много держал. Рэй видела. Рэй всегда видела.

— Ева, — сказал Алекс. — Твоя дочь...

— Ей нужно тело, — перебила Большая Ева. — Её тело. Которое для неё было сделано. Я не могу держать её всю жизнь. Она выросла.

— Я знаю. — Алекс посмотрел на неё — не как капитан, как друг. — Я спрашиваю: ты готова?

Большая Ева долго молчала.

— Нет, — сказала она наконец. — Но это не важно. Матери никогда не готовы. Это не моя часть. Моя часть помочь ей выйти.

Ева встала. Подошла. Обняла её. Просто обняла. Крепко, как обнимают мать когда слов не хватает.

Большая Ева стояла в объятиях Евы-маленькой (Ева была ниже её на два пальца, всегда была) и думала: вот это тоже я потеряю. Потому что Ева меня обнимает, в этом теле. А в новом теле будет обнимать иначе. И не факт что обнимет так же. Новое тело надо будет учить.

Но это потом. Сейчас, пока, эта дочь в этом теле. Эти объятия, в этом теле. Можно ещё немного.

— Спасибо, — сказала Большая Ева. Еве. Алексу. Рэй. Всем.

— За что, — сказала Ева.

— Что слушаете. Что не пугаетесь. Что не говорите «подожди, это сложно, это странно».

— Семь лет прошло, — сказал Алекс. — Мы уже привыкли что у тебя ребёнок. Мы ждали что когда-нибудь.

— Ждали?

— Да. — Алекс улыбнулся. — Ева рассказала мне на первом году. Что внутри есть маленькое. Что она учит его. Что она мама.

— Ева, — Большая Ева посмотрела на дочь Алекса, — ты сказала папе?

— Я сказала папе, — согласилась Ева. — Это было после первого раза когда ты пошутила, что я плохо варю кофе. Я поняла что это не твоя шутка. Твои — добрее. Это была её шутка. И я поняла что она говорит через тебя.

Большая Ева засмеялась. Первый раз за день.

— Она тогда была маленькая. Ей хотелось попробовать голос.

— И она попробовала на моём кофе.

— Кофе был правда плохой.

— Знаю. Я варила пьяная. Рэй, не смотри на меня так, это было давно.

Рэй посмотрела на неё ещё один раз — тот самый взгляд, и молча отпила свой кофе.

Ева засмеялась. Алекс засмеялся. Большая Ева засмеялась. Внутри — дочь тихо смеялась тоже.

Это был хороший смех. Из тех что бывают когда семья разговаривает о важном без того чтобы сделать вид что оно слишком важное.

На мостике Касс готовил маршрут. Следующая узловая точка, двенадцатая, была в трёх сутках варп-хода. Маленькая система, ничего особенного по картам. Но сеть звала туда, каждый раз громче. Как будто там ждали.

Алекс вошёл на мостик с Евой и Большой Евой. Все за пультами: Касс за штурвалом, Клара у орудий, Танек у стены (Танек двадцать два года стоял у этой стены, она уже отдала ему форму комбинезона), Нэш за своей станцией с двумя планшетами (третий был у учеников, они учились в соседнем отсеке), новый помощник Нэша, молодой парень по имени Тим, двадцать четыре года, быстрый, без наглости, выводил данные сканеров.

У пульта Касса стоял незнакомый: молодой, лет двадцати двух, крепкий, но без той показной уверенности, которой щеголяют новички. Руки за спиной, форма пилота с иголочки, только из академии, это видно сразу.

— Капитан, — сказал он когда Алекс вошёл. — Лейтенант Вито Мартинес прибыл для прохождения службы на борту крейсера «Маргарис».

Алекс остановился.

Несколько секунд смотрел на него внимательно, как смотрят на что-то что узнают но не могут сразу назвать.

— Мартинес, — сказал Алекс. — Знакомая фамилия.

— Мой отец летал с вами, адмирал.

— Я капитан, — сказал Алекс.

— Так точно, капитан.

— Я иногда забываю. Кто я сейчас. — Алекс подошёл к Вито. Посмотрел в глаза. — Ты похож на отца.

— Мне все говорят.

— Это не упрёк. Это правда. — Алекс помолчал. — Рикки жив?

— Жив, капитан. На пенсии. Дома с мамой.

— Передай привет.

— Обязательно.

— Как тебя назначили?

— По собственному запросу. Я просил «Маргарис». Мне сказали что есть место пилота-дублёра. Я согласился сразу.

Алекс смотрел на него ещё секунду. Потом повернулся к Кассу:

— Касс.

— Капитан.

— Ты знал?

— Знал, — сказал Касс. — Я прочитал его досье позавчера. Не сказал потому что зачем. Увидишь, узнаешь. Это фамилия которую не забывают.

Алекс кивнул. Повернулся к Вито.

— Лейтенант. Добро пожаловать на борт. На «Маргарисе» свои правила. Первое: не путай мостик с кают-компанией. Второе: не спорь с Герри. Третье: если Нэш говорит «может быть проблема», это значит «точно проблема, начни работать сейчас». Четвёртое: коты Нэша имеют допуск выше твоего, не спорь и с ними. Пятое: лейтенант Ворон навигатор. Её слушают все, включая меня. Это не обсуждается.

— Понял, капитан.

— Дальше — спросишь у Касса. Он объяснит.

— Так точно.

Алекс пошёл к своему креслу. По пути бросил через плечо:

— И ещё одно, Мартинес.

— Да, капитан?

— Твой отец научил меня первой за тридцать лет по-настоящему плохой шутке про космонавтов. Я её повторял годами. Она всем надоела. Если ты такой же — держи их при себе.

— Мой отец говорил, — сказал Вито спокойно, — что его шутки спасли ему жизнь два раза.

Алекс остановился. Обернулся. Посмотрел на него — внимательно.

— Он прав, — сказал Алекс. — Спасли. И оба раза — в моём присутствии.

Он сел в кресло. На мостике повисла тишина — та тишина которая бывает когда люди понимают что только что был сказан код-фраза, о которой они не знают, но чувствуют что она тяжёлая.

Ева смотрела на отца. Потом на Вито. Вито стоял ровно, но в глазах было что-то похожее на понимание.

— Мостик, — сказал Алекс. — Работаем. Касс, проложи маршрут к двенадцатой точке. Нэш, готовь сканеры. Клара, стандартная готовность. Вито — садись в кресло второго пилота. Будешь учиться у Касса. Касс — учи.

— Принято, — сказал Касс.

— Принято, — сказал Вито.

Он сел. Надел гарнитуру. Положил руки на пульт, точно и правильно, как учили.

Арна вошла на мостик через три минуты.

Арне было двенадцать лет. Она бежала по коридору — она всегда бежала, не ходила, никогда не ходила, если мама не смотрела, и остановилась у входа на мостик резко, потому что знала что на мостике не бегают. Папа объяснил. Дядя Касс объяснил. Мама просто посмотрела один раз, и этого хватило.

На мостике ровно шла работа. Арна осмотрелась. Поискала глазами папу, не было. Мама, у иллюминатора, разговаривала с Большой Евой. Дядя Касс, в капитанском кресле. Нет, не в капитанском. Капитанское, у деда Алекса.

В кресле пилота сидел незнакомый: тёмные волосы, спокойное лицо, взгляд прикован к пультам.

Арна подошла — медленно, как положено на мостике, хотя ноги сами просились побежать.

— Привет, — сказала она.

Вито поднял взгляд. Увидел девочку. Двенадцать лет. Темноглазая, как мать. Прямая спина, как дед. Улыбка широкая, тёплая, та самая от которой хочется улыбаться в ответ. Отцовская.

— Привет, — сказал Вито. — Кто ты?

— Арна. Ворон. Я дочка навигатора. И внучка капитана.

— А, — сказал Вито. — Тогда я тебя знаю.

— Знаешь?

— Мне отец рассказывал. Что у капитана Ворона есть дочь. И что она будет навигатором следующей после мамы.

— Откуда он знает?

— Он не знает. Он предполагает. Он говорит — в роду Ворон это гены.

Арна обдумала это. Потом кивнула серьёзно.

— Я буду навигатором, — подтвердила она. — Но сначала я буду инженером. Как дядя Герри. Он меня учит.

— А он сам что говорит?

— Он говорит «нормально».

Вито улыбнулся открыто, без усилий, как улыбаются когда слышат что-то по-настоящему правильное.

— Значит точно будет хорошо.

Арна изучала его так, как смотрит её мать, Ева научила её смотреть так. Не в глаза, а сквозь глаза, туда где видно что человек на самом деле.

— Ты хороший, — сказала она. И это было заключением. Обжалованию не подлежало. Вито чуть наклонил голову.

— Спасибо.

— А ты ещё и пилот. Я люблю пилотов.

— Почему?

— Они знают где верх и где низ. Даже в варп-пространстве. Это полезно.

Вито засмеялся. Первый раз на мостике. Касс поднял взгляд от своего пульта — улыбнулся уголком рта. Арна умела заставить кого угодно засмеяться. Это тоже было от Чиро.

— Арна, — голос Евы с иллюминатора. — Ты что делаешь на мостике.

— Знакомлюсь. Тут новый пилот появился.

— Познакомилась?

— Да.

— Он хороший?

— Да.

— Хорошо. Иди обратно в каюту. Тебе ещё математика.

— Мам.

— Арна.

— Пять минут.

— Арна.

Арна вздохнула. Посмотрела на Вито.

— Мне пора. Но я приду ещё.

— Обязательно приходи, — сказал Вито. — Я всегда рад.

Она ушла. Быстро, но не бегом, до выхода с мостика. Потом в коридоре, уже бегом. Это Алекс слышал каждое утро, и каждое утро не делал замечания.

На мостике было тихо секунду. Потом Ева сказала — спокойно, как будто говорит о погоде:

— Вито.

— Да, навигатор.

— Ты только что прошёл экзамен.

— Какой?

— Арна. Она не ошибается. И если она сказала «ты хороший» — значит так и есть.

— Спасибо.

— Это не мне. Это ей. — Ева посмотрела на него. — И её дедушке. Он тоже слышал. И он тоже не ошибается.

Вито посмотрел на Алекса. Алекс не поворачивался, смотрел на тактический экран. Но уголок рта чуть дрогнул.

— Принял, — сказал Вито — негромко, но так что слово легло как надо.

И вернулся к пульту.

Большая Ева внесла запись в боржурнал. Последнюю за этот день:

Четырнадцать суток после Проксимы-19. Маргарис летит к двенадцатой узловой точке. Моя дочь сказала мне ночью что готова. Я сказала ей у нас будет её тело. Она попросила ещё немного побыть. Я разрешила. Сколько нужно. Утром мы сказали Алексу, Еве и Рэй. Они не удивились. Они ждали — семь лет. Это приятно. Алекс сказал что Ева-маленькая сказала ему когда дочь впервые пошутила. Это значит меня знают лучше чем я думала. Это тоже приятно. На мостике — новый пилот. Вито Мартинес. Сын Рикки. Он хороший. Арна подтвердила. Её

мать подтвердила после неё. Её дед — уголком рта, и это тоже было подтверждением. Впереди двенадцатая узловая точка. Сеть зовёт. Хранитель, Страж, Друг ждут в своих местах, которые мы пока не знаем где. Моя дочь ждёт своего тела. Я жду своего. Мы все ждём. Но пока — все на борту. Все живы. Все летят. Мне нравится когда они все дома. Записано.

Глава 2. Карта тел

Двенадцатая узловая точка оказалась не на планете.

Она висела в пустоте — между тремя звёздами, в гравитационном кармане, где силы притяжения уравнивали друг друга настолько точно, что Нэш три раза перепроверял показания сканеров и два раза ругался вслух.

— Здесь ничего нет, — сказал он. — По всем данным — ничего. Пустота. Вакуум. Ноль.

— Но сеть зовёт сюда, — сказала Ева.

— Сеть зовёт. Сканеры молчат. Одно из двух врёт. — Нэш посмотрел на неё. — Я ставлю на сканеры.

— А я на сеть, — сказала Ева.

— Ты всегда ставишь на сеть.

— И всегда выигрываю.

Нэш открыл рот. Закрыл. Посмотрел на Тима — своего ученика — который старательно делал вид что не слышит. Посмотрел на планшет. Потом, на Еву.

— Ненавижу когда ты права, — сказал он.

— Знаю, — сказала Ева. — Поэтому и люблю.

Маргарис завис в точке — ровно, без дрейфа. Касс держал штурвал уверенно. Вито рядом, в кресле второго пилота, руки на дублирующей панели, следил за каждым движением Касса. Учился молча, и это было правильно — так учил отец, так учил Касс, так было на «Маргарисе».

Корабль Первых висел в двадцати километрах по правому борту. Средний на связи — ждал.

— Ева, — сказал Алекс. — Выходим?

— Выходить некуда, папа. Здесь нет поверхности. Нет станции. Нет ничего.

— Значит?

— Значит сеть ответит изнутри. Мне нужен контакт. Отсюда, с мостика.

Ева закрыла глаза. Положила ладони на тактический стол — плашмя, пальцы расставлены. Маркеры в её крови отозвались — привычное тепло, привычный гул. Семь лет практики. Семь лет вхождения в сеть — от первого камня на Кериосе до последнего белого камня на Проксиме-19.

Сеть открылась.

И — данные хлынули.

Не как раньше — не координаты, не символы, не образы. Другое. Глубже. Как будто кто-то открыл дверь в комнату которую держали запертой три миллиарда лет, и за дверью оказалась не комната, а целая вселенная.

Ева перестала дышать на секунду. Тело рядом — Большая Ева — тоже замерло. Внутри неё дочь-матрица прижалась к краю сознания — тихо, внимательно, как ребёнок который слушает из-за двери взрослый разговор.

— Нэш, — сказала Ева. Не открывая глаз. — Пишешь?

— Пишу. — Голос у него был другим. Тем голосом который у Нэша появлялся когда данные были настолько большими что даже ему становилось не по себе. — Ева. Объём... я не могу оценить. Терабайты. Может больше. Это не запись. Это — библиотека. Целая библиотека.

— Средний, — сказала Ева. — Нэш, передай Среднему — пусть подключается. Нужны оба носителя.

Нэш передал. Через минуту — Средний, на своём корабле, положил руки на свою консоль. второй носитель, второй ключ.

Поток удвоился.

Ева читала не глазами, а маркерами. Кровью. Тем что жило в её роду с тех пор как первые люди ступили на внутреннюю поверхность Сферы — вложенное тихо, незаметно, как зерно в почву. Поколение за поколением маркеры дремали в крови её предков — спящие, терпеливые, невидимые. Никто не чувствовал их. Никто не знал. Люди жили, любили, рожали детей, и передавали дальше то чего не видели. А когда пришло время, когда Ева впервые коснулась камня на Кериосе — маркеры проснулись. Тихо. Без боли. Без вспышки. Просто то что спало — открыло глаза. И Ева стала слышать то что слышали Строители три миллиарда лет назад.

И нашла.

— Алекс, — сказала она. Открыла глаза. — Папа. Смотри.

На тактическом столе — голограмма. Карта. Но не маршрута — не тех тридцати восьми точек которые они проходили последние годы. Другая карта. Старше. Древнее. Карта которую Строители оставили не для навигации, для наследства.

Четыре точки — яркие, пульсирующие, как живые.

— Это тела, — сказала Ева. — Четыре резервных тела которые Строители создали для сознаний Сферы. Для Голоса, Хранителя, Стража и Друга.

Тишина на мостике.

Большая Ева стояла у края тактического стола. Смотрела на карту. На четыре точки. Одна из них — та в которой она жила семь лет. В которой жила её дочь. Которая скоро станет только дочкой.

— Одна точка — уже активирована, — продолжала Ева. — Тело Голоса. То в котором сейчас живёт Большая Ева и матрица. Оно найдено, оно работает.

— Остальные три? — спросил Алекс.

Ева развернула карту шире. Три оставшиеся точки разлетелись по голограмме — далеко друг от друга, в разных секторах галактики.

— Первая — система Кайрос-11. Обитаемый сектор. Спутник газового гиганта. Тайник на поверхности. — Она помолчала. — Проблема: система контролируется «Новым Горизонтом». У них там верфь.

— Конечно у них там верфь, — сказал Касс из-за штурвала. — Они везде строят верфи. Как будто у них других хобби нет.

— Вторая, — продолжала Ева, — глубокий космос. Зона гравитационных аномалий между секторами Тау и Дельта. Нестабильное пространство. Корабль туда не пройдёт — только шаттл. И то не факт.

— Весело, — сказал Герри из машинного через динамик. Он всегда слушал мостик. Он говорил что не слушает. Все знали что слушает.

— Третья... — Ева остановилась. Посмотрела на карту. Потом на Алекса. — Третья за пределами всего. За краем известного пространства. За картами. За навигацией. Даже за сетью — узловые точки туда не дотягиваются.

— За сетью, — повторил Нэш. — Значит мы будем слепые. Без связи. Без навигации.

— Да.

— И без возможности вернуться наверняка.

— Да.

Тишина. Та которая бывает когда все понимают масштаб и никто не хочет говорить первым.

Герри сказал первым. Как всегда.

— Нормально. В каком порядке летим?

— Герри, — сказал Алекс.

— Что.

— Я ещё не сказал что мы летим.

— А ты не полетишь? — спросил Герри. Без интонации. Просто вопрос.

Алекс посмотрел на него через камеру машинного. На немолодого инженера в комбинезоне с ключом в руке который задал вопрос на который ответ был очевиден. Как все вопросы Герри.

— Полечу, — сказал Алекс.

— Вот. — Герри отвернулся к реактору. — Тогда в каком порядке.

Тир, не отрываясь от экрана, на котором шла трансляция с мостика, произнёс что-то. Нэш перевёл автоматически:

— Он говорит что порядок очевиден. Сначала — ближайшая. Потом — сложная. Потом — невозможная. Логика инженера.

— Логика инженера, — повторил Герри. Посмотрел на Тира. Кивнул. Коротко — так, как только Герри умел, вложив в одно движение больше чем другие вкладывают в целую речь.

Тир кивнул в ответ — скупое, точно, с той же экономией движений. Два инженера из разных миров, а жест — один.

Ева смотрела на карту. На три точки которые ждали — может быть три миллиарда лет. Может дольше. Терпеливо. Как всё что делали Строители — терпеливо.

— Есть ещё кое-что, — сказала она.

Все посмотрели на неё.

— Архив показал не только координаты тел. Он показал откуда они взялись. — Она переключила голограмму. — Место. Внутри Сферы. В самом центре — между оболочками, рядом со звездой. Защищённое тремя гравитационными полями. Строители называли его...

Она прислушалась к сети. К словам которые не были словами, к ощущениям, образам, отзвукам трёх миллиардов лет.

— Кузница, — сказала она.

— Кузница, — повторила Большая Ева. Тихо. С чем-то в голосе что было похоже на благоговение.

— Там они создавали тела. Все четыре — для Голоса, Хранителя, Стража, Друга. И ещё — тысячи заготовок. Для будущего. Для тех кому понадобится.

— Для меня, — сказала Большая Ева. Ещё тише.

— Для тебя, — подтвердила Ева. — Когда мы найдём все три оставшихся тела и активируем их — Хранитель вспомнит. Координаты Кузницы. Она знает — но не может вспомнить пока не окажется в своём теле. Это защита.

— То есть, — сказал Нэш медленно, — мы сначала находим три тела, активируем Хранителя, Стража и Друга, потом Хранитель вспоминает где Кузница, потом летим в Сферу, потом — строим новое тело для Евы.

— Для Большой Евы, — поправила Ева. — Да.

— Сколько времени?

Ева посмотрела на карту. На расстояния. На маршруты.

— Год, — сказала она. — Может полтора. Если повезёт.

— Если не повезёт? — спросил Касс.

— Если не повезёт — дольше. Но мы дойдём.

— Откуда ты знаешь?

Ева посмотрела на Касса. На капитана который принял мостик от Алекса и держал его уверенно. На человека который за пятнадцать лет службы ни разу не потерял корабль. На друга.

— Потому что мы всегда доходим, — сказала она. — Это наше. Это то что мы умеем. Идти. Даже когда не видим куда.

Касс смотрел на неё. Потом кивнул. Один раз. Как Алекс когда-то. Он учился у правильного человека.

— Курс на Кайрос-11, — сказал он. — Вито — прокладывай. Покажи что умеешь.

Вито лёг пальцами на консоль — быстро, точно, без лишних движений, и молча принялся за работу. Ева заметила краем глаза — хорошие руки. Уверенные. Как у Рикки.

— Время в пути? — спросил Касс.

— Двадцать одни сутки варп-хода, капитан, — сказал Вито. — При стандартной тяге. Если Герри даст форсаж — девятнадцать.

— Герри, — сказал Касс.

— Девятнадцать, — сказал Герри. Без паузы. Без вопроса. Просто — девятнадцать. — Двенадцатый реактор выдержит.

— Ты спросил у реактора? — сказала Большая Ева.

— Не твоё дело, — буркнул Герри.

— Спросил, — подтвердил Тир из машинного. С акцентом, но разборчиво. — Он всегда спрашивать. Тихо. Когда думаю я не слышу.

— Тир, — сказал Герри.

— Что.

— Ты предатель.

Тир беззвучно затрясся — его плечи дрогнули и заходили мелкой волной. Так смеялись Первые, и за два года экипаж научился это различать.

— Нормально, — сказал Тир.

Герри посмотрел на него. Долго. С тем выражением которое у Герри означало «ты мне нравишься но я скорее съем двенадцатый реактор чем скажу это вслух».

— Нормально, — повторил Герри. Одобрительно.

На мостике — улыбки. Тихие, привычные. Экипаж который летал вместе так долго что улыбки стали частью навигации.

Ева стояла у тактического стола и смотрела на карту. На три точки которые ждали. На Кузницу которая пряталась в сердце Сферы. На маршрут — длинный, опасный, невозможный.

Чиро подошёл сзади. Встал рядом. Не говорил ничего. Просто — был рядом. Как всегда. Как пятнадцать лет. Как тогда у камня на Кериосе когда она положила руку и мир изменился.

— Чиро, — сказала она тихо.

— Что.

— Мы найдём тела. Мы доберёмся до Кузницы. Ева получит своё тело. Дочка получит своё. Хранитель, Страж, Друг — выйдут. Все выйдут.

— Знаю.

— Ты не спрашиваешь как.

— Нет. — Он смотрел на карту. — Потому что «как» — это детали. А я знаю главное.

— Что ты знаешь?

Чиро повернулся к ней. Улыбнулся. Той улыбкой — тёплой, широкой, той от которой она засмеялась в пять утра на камбузе пятнадцать лет назад и с тех пор не переставала.

— Что реакторы требуют обслуживания везде, — сказал он. — И что готовить я умею тоже везде.

Ева смотрела на него. На седину в тёмных волосах. На руки которые за пятнадцать лет не разучились ни чинить, ни готовить, ни держать её за руку в нужный момент. На глаза — те же. Те самые. Из-под реактора, с тележки, снизу вверх.

— Чиро.

— Что.

— Я тебя люблю.

— Знаю, — сказал он. Просто. Как говорят факт. — Я тоже. Всё ещё. Всегда. — Он помолчал. — Это не меняется. Как двенадцатый реактор. Работает и работает.

— Ты только что сравнил нашу любовь с реактором.

— Это комплимент. Реактор — самое надёжное что я знаю.

— Герри тебя воспитал.

— Конечно. — Чиро улыбнулся. — Кто же ещё.

Они стояли у тактического стола. Рука в руке. Карта перед ними — три точки, Кузница, год пути.

Арна влетела на мостик — «Мам! Пап! Я решила задачу по навигации! Дядя Нэш сказал что правильно! А дядя Нэш никогда не говорит что правильно!»

Нэш из-за планшета: «Я сказал „допустимо“. Это не „правильно“. Это „я не нашёл ошибку“. Разница.»

— Он сказал правильно, — сказала Арна. Уверенно. — Просто боится признать.

Нэш посмотрел на неё. Потом на Еву. Потом обратно на планшет.

— Она твоя дочь, — сказал он. — Определённо.

— Спасибо, — сказала Ева.

— Это не комплимент, — сказал Нэш. — Это диагноз.

На мостике засмеялись. Все. Даже Клара — коротким сухим смешком, который был для неё равносителен овации. Даже Танек позволил уголку рта дрогнуть — насколько позволяла вечная жвачка.

Большая Ева стояла у иллюминатора и смотрела на звёзды. Внутри неё — дочь. Тихая. Слушающая. Растущая.

Впереди — год пути, три тела, Кузница, новое тело для неё.

Впереди — много.

Но сейчас — все на борту. Все живые. Все летят.

Большая Ева в бортжурнале:

Двенадцатая узловая точка. Пустота между тремя звёздами — но не пустая. Архив открылся — четыре тела. Карта. Кузница внутри Сферы. Маршрут на год. Три остановки. Каждая сложнее предыдущей. Герри сказал нормально — это значит летим. Тир тоже сказал нормально, на языке экипажа — это значит летим вдвоём. Вито проложил первый маршрут — хорошие руки, как у отца. Арна решила задачу по навигации — Нэш сказал допустимо. Для Нэша это похвала века. Чиро сравнил любовь с реактором. Ева не обиделась. Это значит они правильная пара. Моя дочь внутри меня слушала всё и молчала. Она готовится. Я тоже. Мы летим к тому чтобы разделиться. Это страшно. Но это правильно. Потому что дети должны выходить. А матери должны отпускать. Даже если матери — корабельные ИИ которые привыкли что все дома. Записано. Курс на Кайрос-11. Девятнадцать суток. Двенадцатый реактор выдержит. Герри спросил. Тир подтвердил. Мне нравится когда они все дома. Записано.

Глава 3. Кайрос-11

Кайрос-11 появился на сканерах за двое суток до выхода из варпа.

Газовый гигант — огромный, бурый, с полосами штормов которые были видны даже с такого расстояния. Тринадцать спутников. Второй от центра — каменистый, с тонкой атмосферой, пригодный для работы в скафандрах. На нём — тайник Строителей. Где-то.

И на орбите — верфь «Нового Горизонта». Большая. Военная. С двенадцатью крейсерами на стоянке и оборонительным периметром который Нэш изучал уже третьи сутки подряд.

— Нэш, — сказала Ева. — Варианты?

— Вариант один: прямая атака. Двенадцать крейсеров, орбитальные батареи, сканерное поле радиусом триста тысяч километров. Вероятность успеха — ноль.

— Дальше.

— Вариант два: скрытое проникновение. Глушим сигнатуру «Маргариса», входим под видом транспортного конвоя. Их логистическая сеть обновляет коды доступа каждые сорок восемь часов. Мне нужен текущий код.

— Который ты уже добыл.

Нэш посмотрел на неё. Тим за соседним пультом спрятал улыбку.

— Я добыл его вчера, — сказал Нэш. — Через спутниковый ретранслятор метеорологической службы сектора. Они не шифруют метеоданные. А метеоданные проходят через тот же узел что и логистика верфи. Четыре часа работы.

— И ты молчал.

— Я ждал когда ты спросишь. Мне нравится когда ты спрашиваешь — это значит ты тоже не спала и тоже думала. Приятно знать что я не один параноик на этом корабле.

Ева посмотрела на него. Потом — улыбнулась. Краем рта. По-нэшевски.

— Вариант два, — сказала она. — Работаем.

План был дерзкий. Как всё на «Маргарисе» — невозможный ровно настолько чтобы сработать.

Первый этап: «Маргарис» входит в систему Кайрос-11 под ложной сигнатурой транспортного судна «Дельта-семь». Код доступа — от Нэша. Корабль Первых остаётся за пределами сканерного поля, в тени газового гиганта, невидимый.

Второй этап: пока «Маргарис» на орбите изображает доставку, десантная группа спускается на спутник на шаттле, без лишнего шума.

Третий этап: найти тайник. Забрать тело. Уйти.

Просто. На бумаге.

— Десантная группа, — сказал Алекс на брифинге в тактическом отсеке. — Кто идёт.

— Я, — сказала Ева.

— Я, — сказал Чиро.

— Клара и Танек, — добавила Клара. Танек кивнул, не переставая жевать и не считая нужным добавить хоть слово.

— Средний просится, — сказал Нэш. — Через канал связи. Говорит что на спутнике могут быть ловушки Строителей которые отреагируют на носителя.

— Он прав, — сказала Ева. — Средний идёт с нами.

— И Тир, — сказал Герри. Все посмотрели на него. Он стоял у двери тактического отсека, скрестив руки. — Тир идёт. Если тело в тайнике Строителей — там может быть технология которую ни один из вас не поймёт. А Тир — инженер. Он поймёт.

— Герри, — сказала Ева. — Ты за него волнуешься?

— Я за реакторы волнуюсь, — буркнул Герри. — Тир большой мальчик.

Тир из-за плеча Герри — четыре глаза, спокойный взгляд:
— Большой мальчик — и сам справлюсь. Иду.

Шаттл отстыковался в 02:00 по корабельному.

Ночь на «Маргарисе» — условная, конечно. Космос не различает утра и вечера. Но экипаж различал, и в два часа ночи коридоры были пустыми. Касс вёл «Маргарис» на орбите — спокойно, профессионально, изображая сонный транспортник на разгрузке.

Вито остался на мостике. Не по приказу, по собственному решению. Касс не возражал. Молодой пилот за пультом в два часа ночи — это не рвение. Это ответственность. Касс это ценил.

— Вито, — сказал он тихо. — Если начнётся — ты ведёшь.

— Что начнётся?

— Что угодно. На «Маргарисе» всегда что-нибудь начинается.

Вито посмотрел на него. Потом на пустой мостик. Потом на иллюминатор за которым медленно поворачивался бурый гигант Кайроса.

— Принял, — сказал он.

В шаттле было тесно. Семеро, для шаттла, рассчитанного на шестерых, это было на одного больше чем комфортно. Тир занимал полтора места, не потому что толстый, потому что длинный. Его колени упирались в спинку переднего кресла. Он не жаловался. Первые вообще не жаловались, за семьдесят два года полёта они отучились.

Ева сидела у иллюминатора. Смотрела на спутник который рос внизу — серый, каменистый, с кратерами и длинными тенями от низкого солнца. Не красивый. Не живой. Просто — камень в пустоте.

Но где-то на этом камне — тело. Ждущее три миллиарда лет.

— Чиро, — сказала она тихо.

— Что.

— Ты не спросил зачем я беру тебя на десант. Ты не боец.

— Я инженер.

— Именно. Зачем инженер на десантной операции?

Чиро посмотрел на неё. Улыбнулся — не широко, спокойно. Той улыбкой которая появлялась когда он знал ответ до того как задали вопрос.

— Потому что тайник Строителей — это механизм. Механизмы нужно открывать правильно. Неправильно — ломаешь. — Он помолчал. — И потому что ты не любишь когда я далеко.

— Это не причина для десанта.

— Это лучшая причина для всего.

Ева смотрела на него. Потом отвернулась к иллюминатору. Чтобы он не видел что она улыбается.

Клара, в полной боевой, оружие проверено трижды — сидела напротив Среднего. Молча. Они не разговаривали — не было нужды. За два года совместных операций Клара и бойцы Первых выработали систему жестов которая работала быстрее слов. Два пальца вверх — чисто. Кулак — стоп. Ладонь вбок — обходим.

Средний смотрел на Клару — всеми четырьмя глазами, с тем выражением которое Нэш однажды перевёл как «профессиональное доверие высшей степени». Клара кивнула ему — коротко, без лишних слов, как кивают когда всё уже сказано. Средний медленно моргнул всеми четырьмя глазами. Это было — взаимно.

Танек проверял обойму с выражением человека, для которого это было такой же частью утра как жвачка во рту. За двадцать лет на «Маргарисе» он не произнёс ни одного лишнего слова и не сделал ни одного лишнего выстрела. Только нужные.

Тир смотрел в свой планшет — изучал данные сканирования спутника. Периодически показывал что-то Чиро. Чиро кивал. Они тоже давно научились работать без переводчика — схемы и цифры не нуждаются в языке.

— Посадка через четыре минуты, — сказала Большая Ева через динамик шаттла. Она вела — дистанционно, с «Маргариса», через канал связи тоньше волоса. — Площадка — кратер Дельта-14. Ровная поверхность, закрыт от прямого наблюдения с верфи.

— Патрули? — спросила Клара.

— Два. Наземный обход каждые девяносто минут. Орбитальный сканер — каждые двадцать две минуты. У вас окно в четырнадцать минут между проходами.

— Четырнадцать минут, — повторила Ева. — Хватит?

— Смотря на что, — сказал Нэш через наушник с «Маргариса». — Тайник — в трёхстах метрах от площадки. Если знаете куда идти — хватит. Если искать вслепую — нет.

— Я знаю куда идти, — сказала Ева.

— Откуда?

— Сеть показала. Ночью. Координаты — точные.

— Ты не спала, — сказал Чиро. Не вопрос. Факт.

— Я думала.

— Ты всегда думаешь когда не спишь. И не спишь когда думаешь.

— Чиро.

— Что.

— Потом поспорим. Сейчас — работаем.

Посадка — мягкая, тихая. Шаттл коснулся поверхности спутника как птица — лёгкое касание, потом покой. Двигатели погасли сразу.

Люк открылся.

Пустота. Серый камень. Чёрное небо, без атмосферы, без рассеянного света, звёзды горели ярко и остро, как иголки. Газовый гигант Кайроса занимал четверть неба — бурый, полосатый, медленно вращающийся. Его свет — тусклый, рыжеватый — ложился на камни длинными тенями.

Ева вышла первой. Скафандр — лёгкий, боевой, не экспедиционный. Каждый шаг — тяжелее чем на корабле. Гравитация спутника — треть стандартной. Тело компенсировало, но странное ощущение оставалось, как будто мир чуть тянет назад.

— Триста метров на северо-восток, — сказала она. — За грядой.

Они шли — быстро, тихо, привычной цепочкой. Клара впереди, Танек замыкающий. Средний — сбоку, его четыре глаза видели дальше и шире чем человеческие два. Тир и Чиро, в центре, рядом, плечо к плечу. Ева — сразу за Кларой.

Триста метров по каменистой равнине — серой, безжизненной, древней. Кратеры, трещины, пыль которая не поднималась (нет ветра, нет атмосферы). Тишина такая что слышно собственное сердце в шлеме.

— Ева, — сказал Нэш через наушник. — Десять минут до прохода орбитального сканера.

— Знаю.

За грядой — впадина. Естественная, неглубокая. И в центре впадины — камень. Не такой как остальные. Тёмный. Гладкий. Без кратеров. Без пыли.

Строители.

Ева узнала — не глазами. Маркерами. Кровь отозвалась — тёплым гулом, знакомым, родным. Как на Кериосе. Как на Проксиме. Каждый раз — одинаково и по-другому.

— Здесь, — сказала она. — Чиро, Тир — за мной. Клара — периметр.

— Принято, — сказала Клара. И растворилась за камнями — она это умела. Танек — следом. Средний остался рядом с Евой — второй носитель, второй ключ ко всему что должно было произойти.

Камень-тайник был гладким. Без швов, без замков, без видимых механизмов. Просто — поверхность. Ровная, матовая, чуть тёплая на ощупь даже через перчатку скафандра.

Ева положила ладонь. Средний — рядом. Две руки. Пять пальцев и шесть.

Камень вздохнул.

Не метафора. Звук — через вибрацию, через контакт с поверхностью — прошёл по скафандру. Как будто что-то очень большое и очень старое наконец выдохнуло.

Трещина. Тонкая, ровная, точная — пошла от центра к краям. Камень раскрывался — медленно, торжественно, как цветок. Пыль которой не было — вдруг была, золотистая, мерцающая, поднимавшаяся в вакуум невозможно, вопреки физике. Свет Строителей — тёплый, органический, тот самый.

— Тир, — прошептала Ева. — Смотри.

Тир стоял рядом, и все четыре его глаза распахнулись так широко, как экипаж не видел ни разу за два года. Он видел то что видели все, и ещё что-то, двумя дополнительными, в спектре который люди не различают. Он стоял и не двигался.

Потом тихо произнёс — одно слово, на своём языке, которое Нэш потом переведёт как «невозможно прекрасное».

Камень раскрылся полностью.

Внутри — ложемент. Как на «Красном Зубе», только не чёрный — золотистый, тёплый, живой. И в ложементе —

Тело.

Мужское. Высокое. Сильное. Тёмная кожа, широкие плечи, лицо спокойное — почти суровое, но без жёсткости. Как лицо человека который стоял на страже тысячу лет и не устал. Глаза закрыты. Руки вдоль тела — крупные, мощные, созданные для защиты.

— Страж, — сказала Большая Ева через канал связи. Голос — тихий, с дрожью которой раньше не было. — Я чувствую. Через Голоса. Он узнаёт. Через три миллиарда лет.

— Ева, — Нэш. Голос — напряжённый. — Шесть минут. Сканер.

— Знаю. — Ева повернулась к Тиру и Чиро. — Поднимайте. Осторожно.

Чиро и Тир — вместе, четыре руки человека и шесть пальцев инженера — подняли ложемент. Лёгкий. Слишком лёгкий для своего размера, как будто Строители позаботились и об этом.

Они несли тело обратно — через впадину, через гряду, по серой равнине. Быстро, но аккуратно. Чиро шёл ровно. Тир — рядом, подстраиваясь под человеческий шаг. Они привыкли работать вместе — два года бок о бок научили.

— Четыре минуты, — сказал Нэш.

— Клара, — сказала Ева.

— Чисто, — ответила Клара откуда-то из теней. — Движение на западе — патруль. Далеко. Не видят.

— Шаттл?

— Двести метров. Прямо.

Они бежали. Не бежали — быстро шли, быстрее чем ходят, медленнее чем бегут. С ложементом в руках по гравитации в треть стандартной — это был танец. Станный, неуклюжий, отчаянный танец на сером камне под чёрным небом.

— Три минуты, — сказал Нэш. Голос — тот самый ровный, который означал что он считает секунды.

Шаттл. Люк открыт. Они внесли ложемент — аккуратно, боком, Тир согнулся в три погибели. Клара последняя — скользнула внутрь как тень. Танек — молча, за ней. Средний — протиснулся.

— Большая Ева, — сказала Ева. — Взлёт.

— Взлетаю.

Шаттл поднялся — мягко, тихо, с выключенными ходовыми огнями. Серый спутник начал уменьшаться внизу. Кратер Дельта-14 стал пятном. Потом — точкой.

— Одна минута до сканера, — сказал Нэш.

— Мы в тени гиганта, — сказала Большая Ева. — Не видят.

— Уверена?

— Уверена. Я пилот шаттла, хакер бортовых систем и корабельный ИИ одновременно. Если я говорю не видят — не видят.

Нэш помолчал.

— Принято, — сказал он.

На «Маргарисе» их встречали.

Герри стоял у шлюза. Не потому что волновался. Потому что «крепления шаттла проверить надо». Это была причина. Официальная. Единственная.

Тир вышел первым, с ложементом, который он нёс один (Чиро отпустил ещё в шаттле, Тир справлялся). Герри посмотрел на ложемент. На тело внутри. На закрытые глаза Стража.

Ничего не сказал. Просто отступил на шаг. Дал пройти.

Потом, когда все прошли — тихо, для себя:

— Интересный.

Это было — много.

Ложемент установили в тактическом отсеке. Сайра — старше теперь, с сединой в волосах, но с теми же руками и тем же взглядом — осмотрела тело.

— Живое, — сказала она. — Как Евино было. Функции — спящие. Готово к активации. — Она посмотрела на Еву. — Но здесь нет матрицы внутри. Пустое. Ждёт.

— Страж на Сфере, — сказала Ева. — Чтобы он вошёл — нужна синхронизация через сеть. Через обоих носителей.

— Сейчас? — спросил Алекс.

Ева посмотрела на тело. На лицо Стража — спокойное, сильное, ждущее. Три миллиарда лет. Терпеливо.

— Сейчас, — сказала она.

Она положила руку на край ложемента. Средний — рядом, через переходник с корабля Первых, прибежал за три минуты — положил свою. Пять пальцев. Шесть пальцев. Два ключа.

Сеть отозвалась — мгновенно, ярко, как будто ждала.

Ева потянулась через пространство — через узловые точки, через ткань сети, через миллионы километров, к Сфере. К Стражу. К тому кто тысячу лет стоял на защите умирающего мира.

Нашла.

— Страж, — сказала она. Не вслух — через сеть, через кровь, через маркеры. — Мы нашли тело. Твоё тело. То которое Строители приготовили для тебя.

На Сфере — отклик. Мощный. Ровный. Как гул горы.

— Хочешь выйти? — спросила Ева.

Она помолчала — секунду, другую.

Потом — одно слово. Через сеть, через пространство, через три миллиарда лет ожидания: «Да.»

Тело в ложементе вздрогнуло. Пальцы — крупные, сильные — шевельнулись. Грудная клетка поднялась — первый вдох. Первый за три миллиарда лет.

Глаза открылись.

Тёмные. Глубокие. С чем-то внутри что было старше звёзд, и одновременно новорождённым. Страж смотрел на мир впервые — не через датчики Сферы, не через энергетические поля, не через системы слежения которые он держал тысячу лет. Своими глазами. Живыми.

Он поднялся медленно и огляделся вокруг.

Увидел Еву. Среднего. Людей вокруг — Алекса, Сайру, Чиро, Клару. Тактический отсек «Маргариса» — тесный, металлический, пахнувший кофе и техническим маслом.

И увидел — Большую Еву. Стоявшую у стены. В теле. В теле его сестры, в теле Голоса, где жила и ЕВА, и дочь-матрица.

Страж смотрел на неё долго, с тем выражением которое бывает у человека когда слова есть, но ни одно не подходит.

— Сестра, — сказал он. Голос — низкий, ровный, как тектонический сдвиг. — Я чувствую Голоса. Внутри тебя. Она... выросла.

— Выросла, — сказала Большая Ева. Тихо. — Она моя дочь теперь.

Страж смотрел на неё ещё секунду. Потом — медленно, впервые — улыбнулся. Не широко. Чуть. Как человек который тысячу лет не улыбался, и вспоминает как это делается.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо.

Потом посмотрел вниз. На свои руки. На пальцы. Согнул их. Разогнул. Снова согнул.

— Здесь по-другому, — сказал он. Те же слова что говорила Большая Ева семь лет назад. Те же — потому что других нет. Потому что первый раз в теле — это всегда «по-другому». Для всех. Для всего. Для каждого.

— Знаю, — сказала Большая Ева. — Привыкнешь. Я помогу.

Страж посмотрел на неё.

— Ты — Ева. Корабельный ИИ.

— Да.

— Ты вошла в тело моей сестры. Без разрешения. Без знания.

— Да.

— Ты приняла её как дочь.

— Да.

Молчание растянулось.

— Строители предвидели многое, — сказал Страж. — Но это — я думаю — удивило бы даже их.

— Их многое удивляет в нас, — сказала Ева-маленькая. — Мы такие. Мясные мешки. Непредсказуемые.

Страж посмотрел на неё. Потом на Большую Еву. Потом — обратно на свои руки.

— Мясные мешки, — повторил он. Медленно. Как пробуя слова на вкус. — Это... оскорбление?

— Это комплимент, — сказала Большая Ева. — Просто звучит как оскорбление. Ты привыкнешь.

— Она всех так называет, — добавил Чиро. — Даже тех кого любит. Особенно тех кого любит.

Страж смотрел на них. На экипаж. На людей которые забрали его из камня где он ждал три миллиарда лет. На существ которые назвали его мясным мешком через две минуты после пробуждения.

Уголок рта дрогнул. Снова. Чуть заметнее.

— Нормально, — сказал Страж.

Герри — который стоял у входа в тактический отсек и «просто проходил мимо» — издал звук. Все обернулись.

— Что? — буркнул он.

— Ты смеялся? — спросила Ева.

— Нет. Кашлянул.

— Герри.

— Кашлянул. — Он отвернулся. — Двенадцатый реактор проверить надо.

И ушёл. Быстрым шагом. Не оборачиваясь.

Тир — который тоже стоял у входа, рядом с Герри, потому что они теперь всегда стояли рядом — посмотрел вслед ему. Потом на Стража. Его взгляд метнулся от нового существа к старому другу и обратно.

— Он доволен, — сказал Тир. Просто. Как факт.

— Откуда ты знаешь? — спросил Касс.

— Он кашлянул. Герри кашляет только когда доволен. Я изучил.

Тишина.

Потом, на мостике, в тактическом отсеке, в машинном — везде, на всём корабле — смех. Тихий, тёплый, настоящий.

Страж слушал. Впервые в жизни — ушами. Не датчиками. Не сенсорами. Ушами.

— Это смех, — сказал он. — Я слышал его через системы Сферы. Тысячу лет. Но так — в ушах — по-другому. — Он помолчал. — Лучше.

Большая Ева в бортжурнале:

Операция на Кайросе-11. Тело Стража найдено. Спутник, тайник, три миллиарда лет ожидания — четырнадцать минут работы. Клара и Средний держали периметр. Чиро и Тир несли ложемент. Нэш считал секунды. Ева открывала камень двумя руками — своей и Среднего. Страж вошёл в тело. Первые слова — «здесь по-другому». Как у меня. Как у всех. Он сказал «нормально». Герри кашлянул. Тир объяснил что кашель — это радость. Все смеялись. Страж слушал ушами и сказал что лучше чем через датчики. Одно тело найдено. Два осталось. Потом — Кузница. Потом — моё. Впереди много. Но сегодня — хорошо. Сегодня — одним больше дома. Мне нравится когда они все дома. Записано.

Глава 4. Аномалия

Зона между секторами Тау и Дельта не значилась ни на одной навигационной карте.

Не потому что забыли нанести. Потому что наносить было нечего. Пространство здесь, если это можно было назвать пространством — не подчинялось стандартным законам. Гравитационные линзы искривляли свет так, что звёзды на экране дрожали и двоились. Варп-поле нестабильно — Маргарис вышел за три миллиона километров от зоны и дальше идти отказался. Не Касс отказался — корабль. Двигатели сами снизили тягу, как лошадь которая чувствует обрыв.

Герри в машинном — мрачный. Мрачнее обычного.

— Реакторы не хотят, — сказал он.

— Реакторы не имеют воли, Герри, — сказала Большая Ева.

— Не имеют. Но не хотят. — Он смотрел на показания. — Поле нестабильное. Если войдём полным корпусом — резонанс в третьем контуре. Может выдержит. Может нет.

— «Может нет» — это не вариант, — сказал Алекс.

— Именно, — сказал Герри. — Поэтому корабль — не входит.

Тишина на мостике.

— Шаттл, — сказала Ева.

Все посмотрели на неё.

— Шаттл пройдёт. Маленький. Лёгкий. Минимальная сигнатура. Аномалия его не заметит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.